

МУРЗИЛКА

№5 ЖУРНАЛ ЦК ВАКСМ МАЙ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ 1950

ПЕРВОЕ МАЯ

Сегодня — лучший день весны,
Сегодня — Первомай.
Оркестры дальние слышны,
В цветных флажках трамвай.

Пылают ярко, как пожар,
Полотнища знамён.
Взлетает лёгкий красный шар
Под самый небосклон.

Плывут знамёна на парад,
Внизу скользит их тень...
А много лет тому назад
В такой же майский день

Колонны шли, как на войну,
И, замедляя шаг,
Выбрасывали в вышину
Запретный красный флаг...

Сегодня тканью огневой
Расцвёл Советский край.
И громы пушек над Москвой
Встречают Первомай.

С. МАРШАК

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Ночью северный ветер нагнал холодных туч, и первомайское утро взглянуло на землю сквозь мелкую серую сетку дождя, а над Катунью потянулись седые волокна...

И всё-таки это был праздник. Ребята притащили из тайги охапки зелёных веток сосны и веток лиственницы, украшенных, словно ягодками, пурпуровыми листочками и жёлтыми колосками на верхушках побегов. Девочки, несмотря на дождь, сбегали в долину, поднялись по склону и набрали цветов. Они прибежали вымокшие, продрогшие. Но зато перед портретом товарища Сталина в вазах и горшках благоухали пригоршни весенних цветов — жёлтые и голубые фиалки, розовато-лиловые кисти ятрышника, сквозные, как ёлочка.

Зал уже выглядел торжественным и нарядным. Затихали последние хлопоты — ребята вырезали из красной бумаги пяти-

конечные звёзды, девочки чем-то розовым обёртывали цветочные горшки.

Костя Кандыков с молотком и гвоздями в руках — он прибивал к стенам хвойные гирлянды — прошёл по всей школе, отыскивая Чечек. В классах топились печи, лиственничные поленья горели жарко, и оранжевые отблески весело и уютно играли на бревенчатых стенах и чисто промытых половицах. Перед одной из этих печек — в пятом классе — Костя нашёл Чечек. Она помешивала кочергой дрова и что-то шептала, глядя в огонь.

— Ну, как дела, однако? — спросил Костя.

Чечек посмотрела на него. В её глазах дрожали искорки отражённого пламени.

— Боюсь немножко... — прошептала Чечек.

Костя присел на охапку крупных поленьев, лежавших возле печки.

— А что у тебя за бумажка такая на коленях?

— Торжественное обещание...

— Выучила?

— Да.

— Ничего не бойся. Это уж такой день. Так всегда — и боишься, и радуешься...

— А знаешь, Константин, ведь люди такое обещание на всю жизнь дают!

— Знаю, Чечек.

И добавил, задумчиво глядя в огонь:

— Я его тоже на всю жизнь дал.

К вечеру усилился дождь. Большая гора стояла тёмной стеной, наполовину одевшись туманом.

Ветер выл и гудел над крышами.

Но сквозь гул ветра из колхоза доносилась тонкая мелодия комыса, рассыпались малиновые лады гармошки, прорывалась песня — праздник шёл по деревне.

В школе всюду загорелись огни, и в классах зашумел, загомонил молодой народ.

Но вот пропел пионерский горн — и звуки его, словно звенящие золотые лучи, заполнили зал, прорвались сквозь окна, сквозь дождь и полетели над колхозом... И тогда люди приостановили своё гулянье

и сказали друг другу с доброй улыбкой: «Сегодня в нашей школе большой пионерский сбор. Сегодня новые пионеры дают торжественное обещание!»

И вот ударили барабаны и рассыпали торжественную маршевую дробь. Барабанщики — оба стройные, оба высокие, в красных галстуках и белых рубашках — лёгким шагом прошли через весь зал, красиво и важно приподняв локти.

Отряд за отрядом со своими вожатыми шли следом, чётко отбивая шаг. Подойдя к сцене, барабанщики дружным ударом оборвали марш, опустили палочки и встали по сторонам. Отряды построились направо и налево. Старшая вожатая Настенька в белой атласной кофточке, с новеньким красным галстуком на шее — вся какая-то праздничная и в то же время сосредоточенная — вышла на середину.

Вожатые отрядов, глядя прямо в её строгие синие глаза, отдавали торжественные рапорты. У некоторых от волнения срывался голос — слишком много народу смотрело на них в этот день, слишком много народу их слушало...

Чечек и ещё двое — Ваня Михайлов и Зина Саруева — стояли в стороне. Чечек стояла и не слышала своего дыхания. Сейчас, вот сейчас она выйдет на сцену и произнесёт те необыкновенные слова... Сейчас, сейчас...

На сцену вышел Анатолий Яковлевич, директор школы. Чечек не могла отчётливо уловить, что он говорит. И хотя всё время ждала, что её позовут, всё-таки вздрогнула, когда услышала своё имя.

Они вышли все трое — Ваня Михайлов, Зина Саруева, Чечек Аргымаева. И здесь, под большим портретом Сталина, перед лицом всех пионеров, они произнесли своё торжественное пионерское обещание.

Зал замер. И слова их прозвучали, как большая клятва, которой человек изменить не может.

Старшая вожатая приняла торжественное обещание. И, подойдя к Чечек — Чечек стояла первой, — повязала ей пио-

нерский галстук. И когда всё окончилось и вожатая поздравила их, Чечек в первый раз отдала пионерский салют. И тут Чечек показалось, что она как-то сразу выросла, сразу стала большая.

Вечер был такой весёлый, такой радостный, какого никогда не было в жизни Чечек. Подруги поздравляли её, обнимали, тормошили... А она всё поправляла галстук и всё боялась, что его сомнут. Увидев Костю, она подбежала к нему:

— Константин!

И, ещё раз расправив красные концы новенького галстука, остановилась перед ним, вся сияющая от радости, и отдала салют. Костя улыбнулся. Ему хотелось сказать: «Вот напыжилась! Эх ты, бурундук!» Но вдруг понял, что сейчас с ней так разговаривать нельзя. И сказал серьёзно:

— Поздравляю тебя, Чечек!

Школьники выходили на сцену, читали стихи, пели, танцевали. Чечек сидела рядом со своими подругами — с Майей и Лидой Корольковой. Она с удовольствием смотрела и слушала и громче всех хлопала в ладоши каждому, кто выступал.

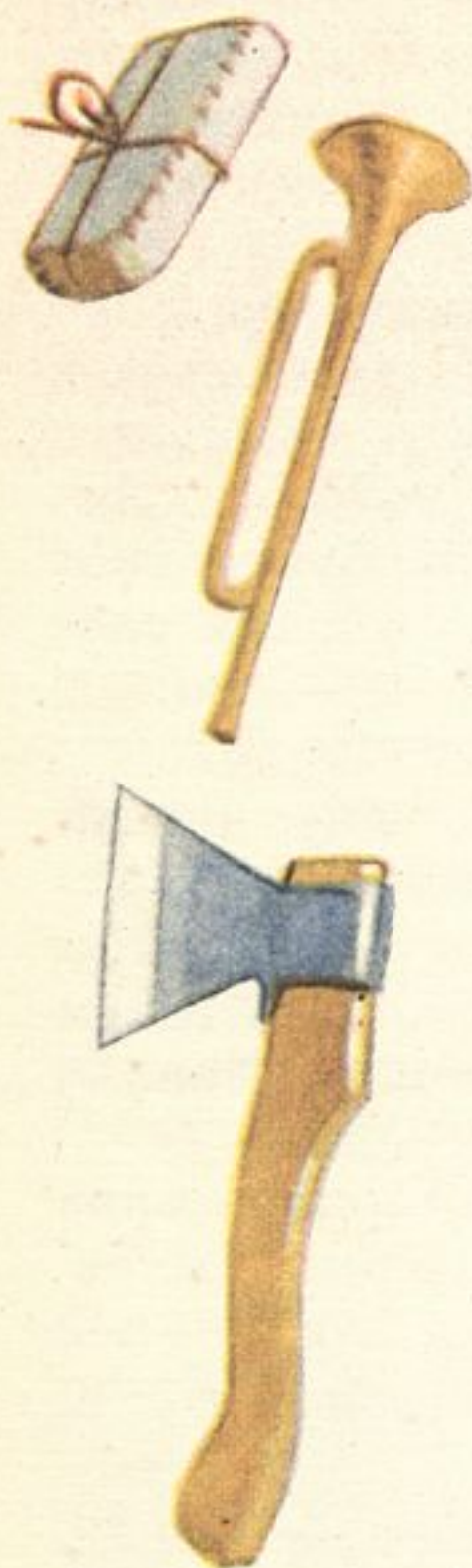
И всё-таки та радость, которая томила её, не находила в этом своего выхода. Чечек хотелось бы самой петь и плясать или вскочить на лошадь и поскакать куда-нибудь навстречу ветру.

Она встала и тихонько выбралась из зала. Пройдя мимо пустых классов, она вышла на заднее крыльцо постоять под ночным небом, послушать дождь, посмотреть на чёрные конусы гор. Но когда вышла, то удивилась. Дождя не было, и, как часто бывает в Горном Алтае, погода внезапно изменилась. Куда-то умчались холодные тучи, с гор тянуло запахом цветущей лиственницы, и небо искрилось от звёзд. Чистые, омытые дождём звёзды переливались, мерцали и словно затевали там, наверху, какую-то безмолвную игру. Они словно тоже радовались и праздновали праздник пионерки Чечек.

Чечек счастливо вздохнула и улыбнулась — вот какие дни бывают в жизни человека!

М А С Т Е Р А

Отец выходит из дверей:
 — Ну, что купить тебе, Андрей?
 Сестрёнка просит домино,
 Братишке нужен горн. —
 Андрей сказал:
 — А я давно
 Хочу иметь топор.
 — Ну что ж, берись за ремесло,
 Владей, сынок, трудом.
 Сегодня сделаешь весло,
 А завтра срубишь дом. —
 Ребята ждали у крыльца
 Весь день из города отца.
 И вот под вечер, наконец,
 Подарки им привёз отец:
 Сестре — игру,
 Братишке — горн,
 Андрею — плотничный топор.
 Андрей влюблён в подарок свой,
 Гордится топором —
 Топор то светит синевой,
 То блещет серебром.
 Недаром плотник дед Фаддей
 Зовёт топор свой «чудодей»:

Он может сделать топором
 На дереве узор,
 Такой не сделать и пером,
 А вот срубил топор.
 Топор, совсем простой на вид,
 В руках у дедушки звенит.
 И щепки жёлтые летят
 Тончайшею лузгой...
 Так руки плотника хотят —
 Удар один, другой,
 И на верстак, легка, тонка,
 Легла узорная доска.
 Расправил плечи старый дед,
 Могучий и седой.
 Глядит, смеется: — А, сосед...
 Помощник молодой.
 Входи, Андрей, входи, входи,
 Да ты с топориком, гляди! —
 Топорик в руки дед берёт,
 Попробовал на звон.
 — Под первый сорт топор сойдёт:
 С Урала родом он.
 Пойдём точило покрутить,
 Топорик надо поточить. —
 В корыте плещется вода,
 На камне сталь поёт.
 Необычайно сталь тверда —
 Точило не берёт.
 Хорош топор — скажу вперёд,

Коль даже камень не берёт!
 Немало отдано труда,
 Точили целый час.
 Зато теперь он хоть куда,
 Как бритва он сейчас.
 Андрей не хочет больше ждать,
 Себе работу просит дать.
 — За дело, дедушка, скорей,
 Давайте мне заказ.
 Хотя бы раму для дверей
 Срублю на первый раз. —
 Смеётся дед: — Ты не спеши,
 Кругляк вот этот обтеси... —
 Андрею стыдно, тяжело:
 Ведь думал — пустяки.
 Топор упрямый, как назло,
 Не слушает руки.
 Работник, нечего сказать, —
 Бревна не может обтесать!
 С лица ручьями пот течёт,
 В испарине спина.
 Топор не тешет, не сечёт,
 А скачет от бревна.
 А где Андрей и обтесал —
 Там словно заяц обкусал.
 — Ну как, Андрюша, горячо?
 Смотрю, идут дела. —
 Рука большая на плечо
 Приветливо легла.
 — Не так, сынок, топор берёшь,
 Ещё мозоль себе натрёшь.
 Наискосок, ровней теши,
 Насечек сделай ряд.
 Да ты тихонько, не спеши —
 В ученье не спешат.

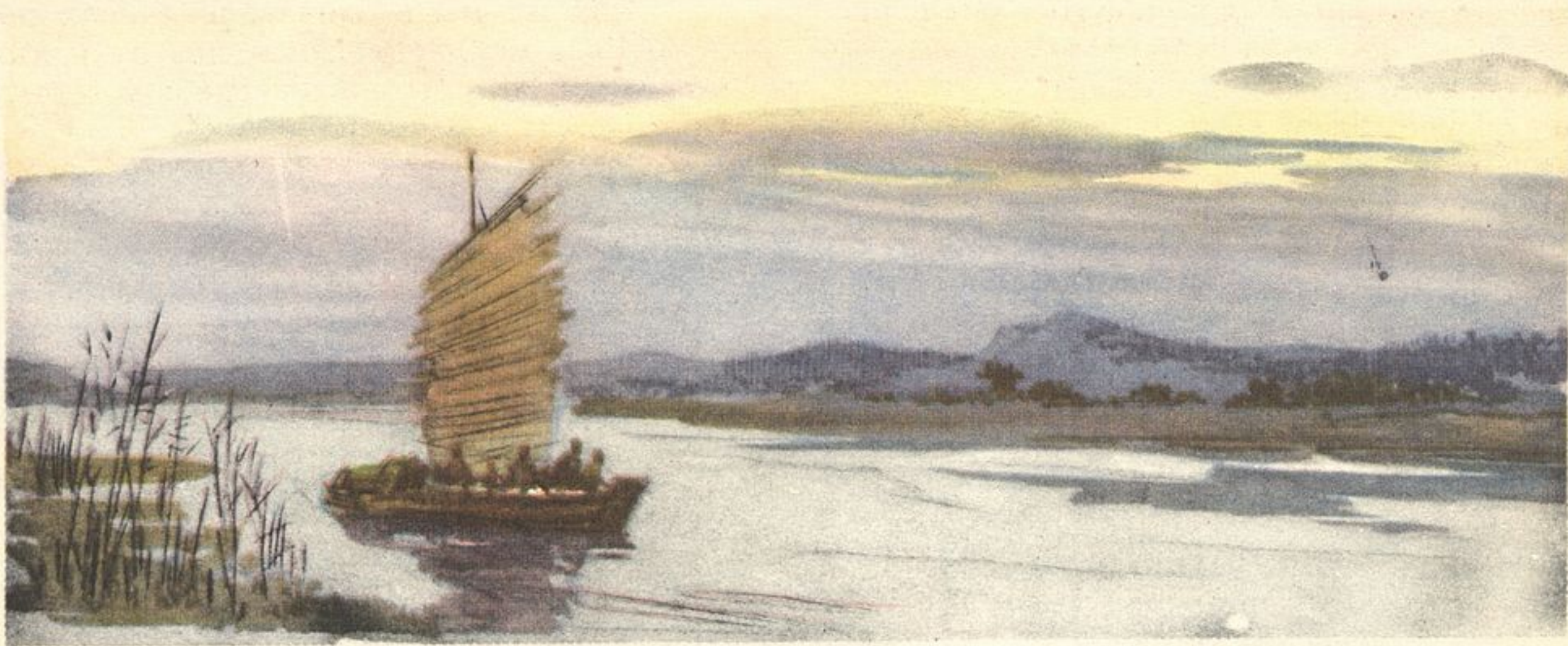

Смекалку любит всякий труд,
 Пойми, с терпением дуги гнут. —
 И начал дед бревно тесать,
 Показывать, учить.
 Пошёл топор тесать, плясать,
 Покрякивать, рубить.
 — Вот так, вподкось, ровней, ровней,
 А по сучку ударь сильней. —
 И дед сказал: — На этот раз
 Ты славно выполнил заказ.

* * *

Идёт Андрей домой селом,
 И вся душа поёт:
 Андрей-работник с топором
 По улице идёт.
 Смотрите, в солнечном луче
 Топор сияет на плече!

Андрей ШМАНКЕВИЧ

Рис. В. БОГАТКИНА

МАЛЬЧИКИ С КИРПИЧНОГО ЗАВОДА

Утром никто не пришёл будить ребят, никто не бранился и не бил бамбуковой тростью по голым пяткам тех, кто никак не мог проснуться. Мальчики проспали до самого полудня, а когда проснулись, узнали, что остались на заводе одни. Мастер Джой, все его помощники и охранники-гоминдановцы удрали ночью на заводских джонках. Удрали потому, что солдаты народно-освободительной армии переправились через реку выше и ниже завода.

Теперь мальчики были свободны, но они никуда не могли уйти: Джой увёз всю их одежду, и они остались только в одних джутовых передниках. Куда пойдёшь в таком наряде, если на дворе уже осень и по ночам трава белеет от инея! Да и не так уж они малы, чтобы появляться на улице в одних передниках. Самому меньшему, Шэну, было лет десять, если не больше...

Точно своего возраста никто из них не знал, так же как не все они знали свои настоящие фамилии. Ведь Шэн, например, совсем не фамилия. Шэн — небольшая мера зерна. А получил это прозвище мальчик потому, что хозяин завода заплатил за него барышнику всего один шэн соевых бобов. Барышник продал его дёшево — слишком уж был он маленький и худой. А хозяин рассудил так: если Шэн успеет, до того как свалится окончательно с ног,

сделать сотню-другую кирпичей, то барыш всё равно будет.

На заводе всем правил мастер Джой. У всех новых мальчиков он первым делом отбирал одежду и выдавал взамен джутовый передник. Это делалось для того, чтобы никто не вздумал убежать. Затем Джой показывал новичку его место в бараке и вёл в цех.

— Сегодня стой здесь и смотри, что делают другие. Завтра сам принимайся за работу, — говорил Джой новичку.

Если мальчик на другой день не мог месить глину или не умел правильно укладывать кирпичи на стеллажах, Джой пускал в ход свою бамбуковую трость. Шэн узнал, что такое бамбук, уже на второй день. Весь первый день он проплакал и не видел, как делают кирпичи другие мальчики. Он плакал и вспоминал всё, что было до того, как Джой сказал, увидев его:

— Этот долго не протянет...

...Были у Шэна и отец и мать. Отца он помнил очень смутно, наверное больше по рассказам матери. Отец арендовал у помещика крохотный участок поливной земли и сеял рис. Земля была плохая, урожай не хватало даже на то, чтобы, уплатив аренду и налоги, прокормить семью. А когда случился недород и отец не смог заплатить аренду, помещик отказался ждать уплаты до следующего года и велел старосте села забрать у отца Шэна

всё, что можно было забрать. Отец рассердился и ударил старосту. За это его арестовали и хотели посадить в тюрьму, но он убежал, и мать Шэна долго о нём ничего не знала. Только через год от отца пришла весть — он служил в восьмой армии, в армии Мао Цзе-дуна.

Беда была в том, что эта весть дошла и до старосты. Матери Шэна не удалось бежать, и её бросили в тюрьму. Вместе с ней попал в тюрьму и маленький Шэн. А когда мать заболела тифом, его вышвырнули за ворота тюрьмы прямо в руки барышнику.

Так Шэн попал на завод.

Три года, три долгих, как вечность, года, Шэн накладывал глину в деревянные формы, притаптывал ногами, оттаскивал к стеллажам и, слегка ударив форму о землю, вываливал сырые кирпичи на стеллажи. С утра он начинал ждать сигнала на обед, после обеда ждал наступления конца работы, чтобы, добравшись до кана¹ в бараке, упасть и уснуть.

...И вдруг всё так резко изменилось. Никто не будил мальчиков на работу, но в то же время никто не давал сигнала на обед...

Мальчики отыскивали старые мешки из-под чумизы, бережно собрали все крупинки и сварили жидкую чумизную похлёбку.

— Ешьте, ешьте вволю, — смеясь, говорил Шэн. — Джоя теперь нет, и он не отберет половину еды для своих свиней.

— Его чушки не стали бы даже нюхать такую еду, — отвечали ребята.

— Что же мы теперь будем делать, мальчики? — спросил Чен, самый большой из ребят. — Будем ждать, пока кто-нибудь придёт за нами?

— Если бы старая лисица Джой догадался оставить нам несколько мешков чумизы и бочонок масла, то можно было бы и подождать. А так мы протянем очень недолго, — ответил ему Син, тот, что прибыл на завод вместе с Шэном.

— Правильно говорит Син. Нам надо уходить отсюда, — сказал Шэн. — Я знаю, что нам надо делать. Нам надо сколотить плот и уплыть на нём вниз по реке.

¹ К а н — лежанка.

— Как же мы в одних передниках поедим? Ведь мы перемерзнем, как мухи. Может быть, Шэн, ты знаешь, где нам добыть себе одежду? — съязвил Чен.

— Нет, но я знаю, чем можно её заменить. У нас есть целая груда бумажных мешков из-под чумизы. Бумага хорошо греет...

Всем понравилось предложение Шэна, и даже Чен сказал, что у малыша совсем неплохая голова, и первый начал таскать на берег доски и пустые бочонки.

Но им не пришлось сколачивать плот. Река подарила им джонку, настоящую большую джонку с мачтой и бамбуковым парусом. Её несло по течению близко от берега, и она была совершенно пустой.

Не теряя времени, мальчики принялись готовиться к отъезду. Все они были голодны, как брошенные волчата, но чувство полной свободы радовало их.

Из бумажных мешков они смастерили каждому что-то вроде длинной рубахи. Когда они все уселись на джонку, со стороны можно было подумать, что лодку нагроузили мешками с чумизой.

— Мальчики, — серьёзно сказал Чен, — нам надо выбрать старшего. На каждом корабле следует быть капитану.

Конечно, Чен предполагал, что капитаном выберут его, но все стали предлагать Шэна. Шэн согласился, но предупредил, что он совершенно не знает, что должен делать капитан.

— Ты будешь давать команду, мы будем её выполнять. Вот и всё, — пояснил Чен.

Легко сказать — всё. Какую, например, надо было дать команду, чтобы джонка отошла от берега? Шэн долго думал, но ничего придумать не мог. Он махнул рукой и крикнул петушиным голосом:

— Вперёд!

Все мальчики, как могли, стали отталкивать джонку от берега. Они упирались в берег шестами, гребли как попало вёслами и руками, но лодка не двигалась. Тогда Шэн и ещё двое мальчиков прыгнули в воду и оттолкнули лодку.

— Плывём! Плывём! — радостно закричали ребята.

Хорошо, что джонка была большая и устойчивая: ребята так сустились, что обя-

зательно перевернули бы лодку поменьше. Шэну пришлось дать команду — сидеть всем смирно по своим местам. Джонка поплыла спокойнее, но совсем не так, как ей полагалось плыть. Она плыла не носом вперед, а больше кормой, или поворачивалась и плыла как-то боком.

Так плыли они дотемна мимо леси-

стых берегов, приближаясь то к одному берегу, то к другому. Когда стемнело, мальчики, сбившись в тесную кучу и укрывшись мешками, крепко уснули. Только капитан Шэн продолжал сидеть на корме, поёживаясь от холода.

— Ты не спишь ещё, Шэн? — спросил его Син.

— Нет, не сплю. Но мне тоже очень хочется лечь...

Син поднялся и сел рядом. Они долго молча смотрели на звёзды и тёмный берег, а потом Син спросил:

— А куда мы плывём, Шэн? Что мы будем делать в городе? Кто о нас там позаботится?

— Я тоже об этом думаю. Если бы нам найти одного человека, то он обязательно бы о нас позаботился. Он о всех заботится... Я говорю о председателе Мао.

Проснулся Шэн от лёгкого толчка и сразу вскочил на ноги. Джонку пригнало к берегу. Рядом с ней стоял солдат со скаткой и ружьём.

— Кто вы? — испуганно спросил Шэн.

— А разве ты не видишь? Я солдат. А вы кто такие? — спросил, в свою очередь, солдат. — Куда вы плывёте и почему так странно одеты?

Шэн коротко рассказал, кто они и куда плывут.

— Если вы не откажетесь принять меня в свою компанию, то мы быстрее доберёмся до города, и я сведу вас там к одному человеку, который сумеет оказать вам помощь.

— Вы поведёте нас к председателю Мао? — вырвалось у Шэна.

Солдат рассмеялся.

— Значит, вы плывёте к нему? Ну что ж! Вы выбрали правильный путь, мальчики. Товарищ Мао Цзе-дун не оставит вас в беде. Он уже побеспокоился о вас...

— Как так? — удивился Шэн. — Откуда председатель Мао знает о мальчиках с кирпичного завода?

— Председатель Мао всё знает. Он приказал открыть для вас дом в нашем городе, приказал приготовить вам еду и одежду. Он приказал учителям бесплатно учить вас... Ну, да вы всё это сами увидите.

Солдат оттолкнул джонку от берега и легко прыгнул в неё. Все мальчики проснулись и с любопытством стали рассматривать нового капитана. А он

приказал поднять парус, взял в руки рулевое весло, и джонка быстро понеслась вниз по течению.

Ребята сразу повеселели, а когда в одной из деревушек крестьяне накормили их лепёшками на своем масле, им вовсе стало весело, и они впервые затянули песню. Сначала эту песню пропел им Цой Линфу — так звали нового капитана. А песня была сложена народом в честь своего вождя Мао Цзе-дуна.

Утром следующего дня джонка пристала к городской набережной. Многие ребята впервые попали в город; их всё поражало, и они всё время спрашивали своего провожатого, что написано на вывесках, кто живёт в этих больших и красивых домах.

Наконец товарищ Цой остановился у одного такого дома и громко прочёл то, что было написано на табличке перед входом:

Первый городской детский дом
имени И. В. Сталина

— Здесь, мальчики, вы будете теперь жить. Этот дом подарил вам председатель Мао. Здесь уже живут такие же дети, как и вы. Когда вы научитесь читать и писать, то узнаете, что сделали для китайского народа великий вождь Сталин и его ученик Мао Цзе-дун.

МОСКВ

Когда красный советский флаг впервые взвился над Москвой, у кремлёвских стен бежала мутная, грязная речка Москва-река.

Город рос, строился, украшался... А Москва-река день ото дня мелела.

Лет двадцать назад учёные подсчитали, и оказалось, по их расчётам, что в 1937 году река сильно обмелеет и может совсем пересохнуть.

Доложили об этом товарищу Сталину. Он посоветовался с инженерами и предложил повернуть

Волгу к Москве. Великую русскую реку привести к великому советскому городу.

Так и решили. А что решили большевики, то будет сделано.

И началась работа: зимой и летом, днём и ночью, четыре года с лишним шла небывалая стройка. Машины и люди рыли землю, строили плотины, насыпали новые берега...

И в тот год, когда москвичи должны были увидеть

А — ПОРТ

пересыхающую речку, перед ними открылась чудесная картина: Москва стоит на берегах полноводной, глубокой чистой реки.

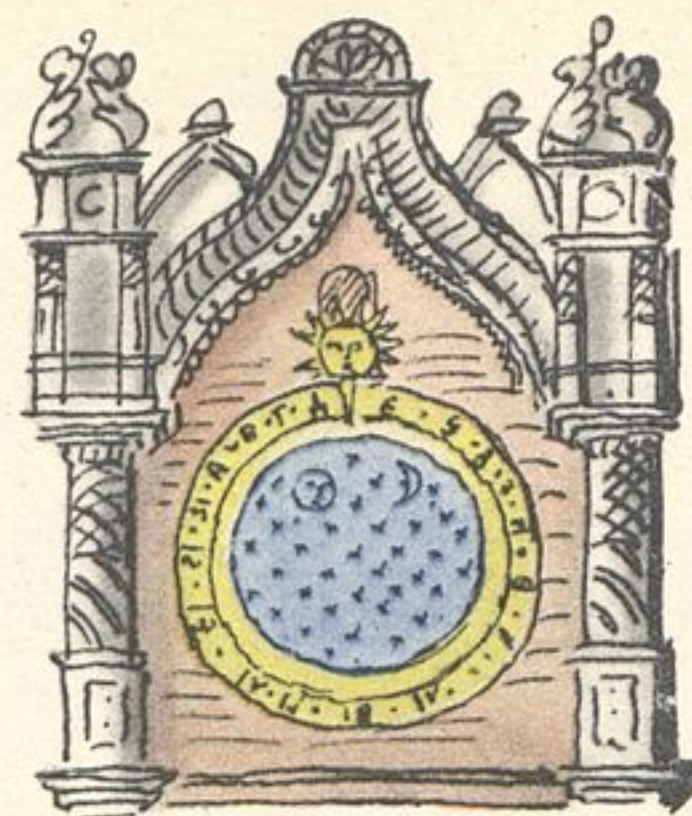
В тот год к стенам Кремля на первомайский парад пришли невиданные в Москве корабли. Впереди шёл огромный теплоход «Иосиф Сталин».

Погудели красавцы-теплоходы, прошли под новыми мостами и ушли в Химки, в Московский порт.

А там, в порту, морские корабли стоят у прича-

лов. Подъёмные краны выгружают с кораблей грузы из Архангельска, из Ленинграда, из Астрахани. Там развеваются морские флаги, гремят якоря, и моряки друг другу рассказывают свои морские новости. Порт как порт; даже чайки, и те признали это: прилетели откуда-то, носятся над водой и радуют глаза москвичей.

Восемьсот лет стоит Москва, и все века была она сухопутным городом. А теперь Москва — порт, да не просто порт, а порт морской!

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ

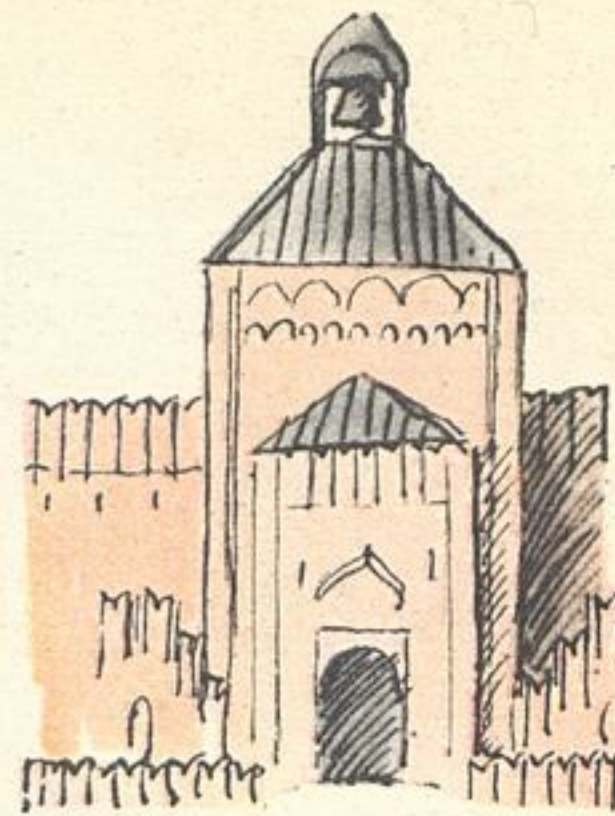
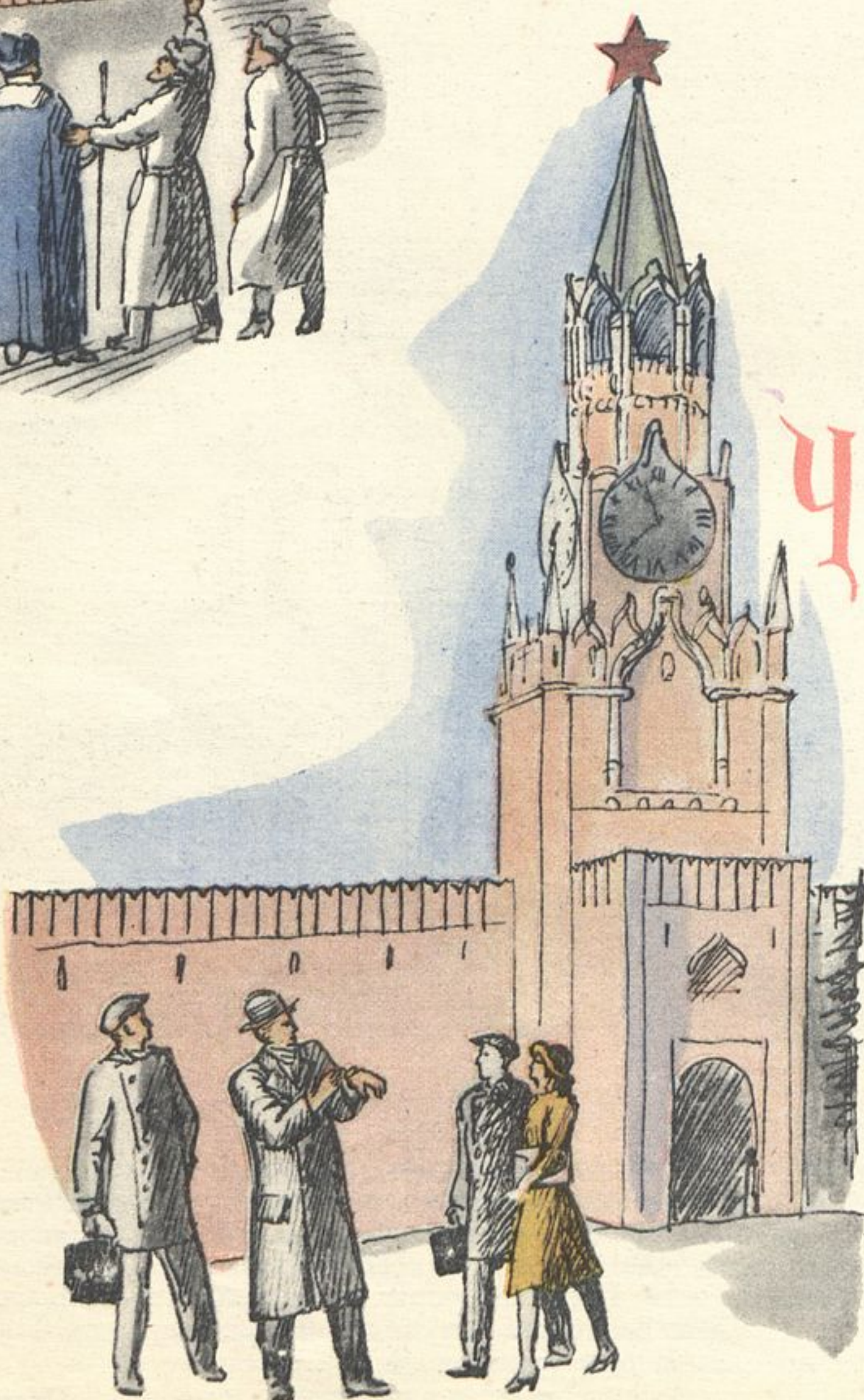

Рис. В. ФАВОРСКОГО

О КУРАНТАХ, О ЧАСАХ И О ПРОЧИХ ЧУДЕСАХ

Из третьей книги
„Наша древняя столица“
1625-й год

Читатель мой, сюда взгляни,
На Спасские ворота.
Совсем другие здесь они,
И нету в них чего-то.
Нескладна башня, тяжела,
Шатёр в четыре ската.
Взгляни, такой она была
Давным-давно когда-то.
Когда отстраивать дворцы
Решили наши предки,
Переложить шатры-венцы
Взялись на башнях ветхих.
И стали башни с той поры
С верхушками иными,
И шестигранные шатры
Раскинулись над ними.
Теперь шатры уходят ввысь,
Врезаясь в синий воздух,
А в наши дни на них зажглись
Рубины в наших звёздах.
А вот и первые часы —
Куранты башни Спасской.

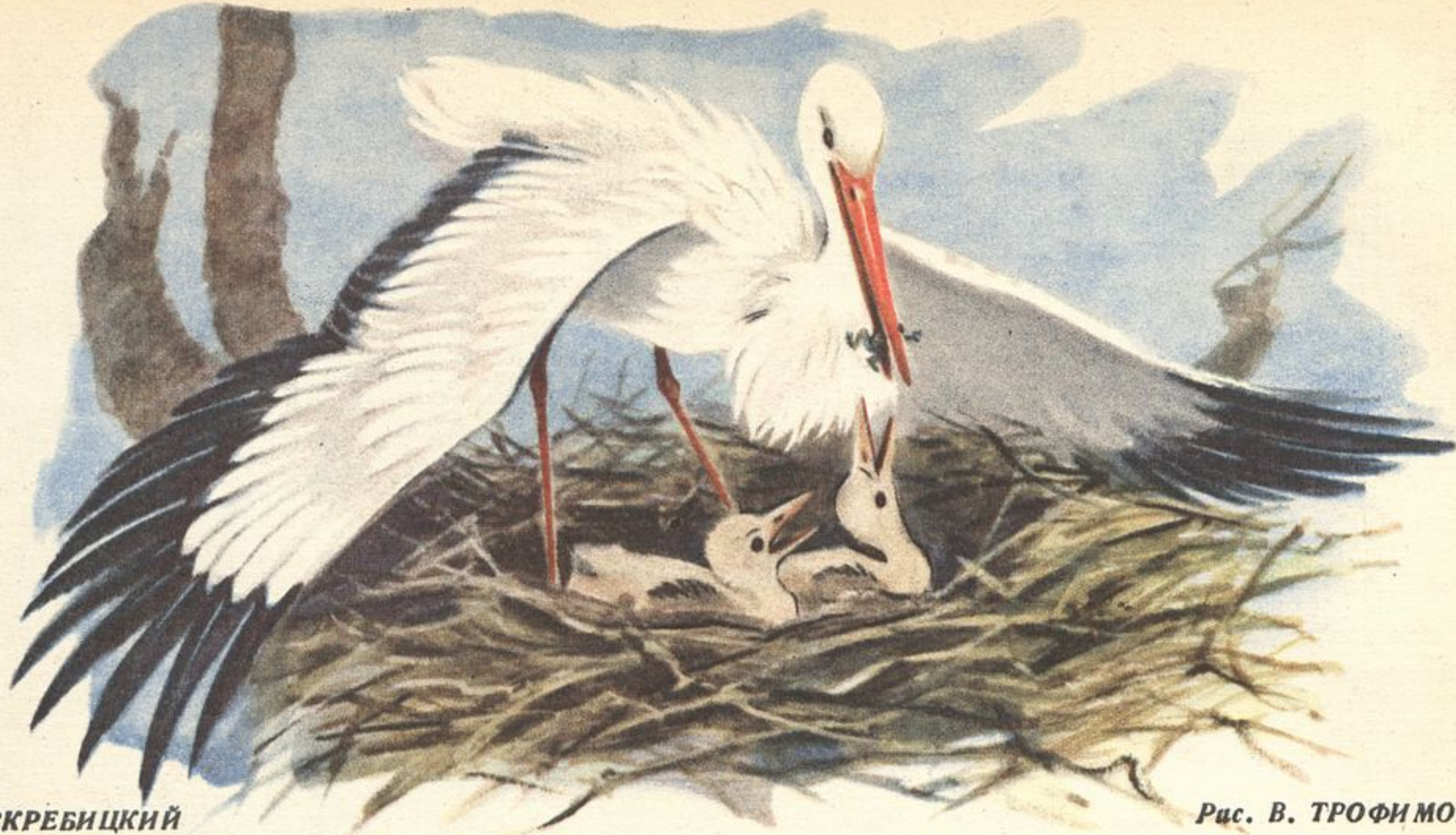
Огромный жернов для красы
 Окрашен синей краской.
 Скрипит тяжёлый циферблат,
 Вращается тарелка,
 И цифры золотом горят
 Под неподвижной стрелкой.
 И «перечасье» хрипло бьют
 Куранты над Москвою,
 И горожане узнают
 Часы во время боя.
 Мы б посмеялись в наши дни
 Над этими часами,
 А нашим прадедам они
 Казались чудесами.

Б

ыстра Неглинка и шумна
 По городу кружилась,
 У башни Свибловой она
 С Москвой-рекой сдружилась.
 Под этой башней угловой,
 Что и сейчас на месте,
 Неглинка с рекой Москвой
 Уже шумели вместе.
 Хозяйство было нехитро:
 И летом и в морозы
 Таскали за ведром ведро
 Из речек водовозы.
 И с коромыслом шли к реке,
 И с бочкой подъезжали,
 И бани тут не遠далеке
 На берегу стояли.
 И вот «розмыслы» в башню ту
 Пришли, науку зная,
 И поднялась на высоту
 Сама вода речная.
 Насосы, трубы, рукава
 Прилажены, готовы.
 Гордиться может мать Москва
 Водопроводом новым.
 Сказать по правде, той воды
 На город было мало, —
 На Кремль и на его сады
 Воды едва хватало.
 Но в этой малости — простор
 Для гордости народной.
 И башню Свиблову с тех пор
 Прозвали «Водовзводной»!

Г. СКРЕБИЦКИЙ

Рис. В. ТРОФИМОВА

А И С Т

На краю деревни, возле Колиного дома росло большое дерево. На нём устроили себе гнездо аисты.

Коля очень любил наблюдать за этими красивыми белыми птицами. Сначала аистиха сидела на гнезде — насиживала яйца. Потом вывелись аистята, и Коля видел, как заботились о них родители.

Целые дни аист и аистиха летали на болото, ловили там лягушек, ужей и приносили своим птенцам. А по вечерам оба аиста стояли около гнезда и отдыхали.

Но вот как-то раз Коля заметил, что одного из аистов около гнезда нет. Не было его на другой день, и на третий...

С тех пор оставшемуся аисту пришлось одному выкармливать птенцов. Это было очень трудно. Аистята уже подросли. С утра до вечера просили они есть. Принесёт аист лягушку, сунет её в открытый клюв одному из птенцов, а другой тоже лезет, старается добычу перехватить.

Коле очень хотелось чем-нибудь помочь аисту и голодным птенцам.

Однажды Коля вместе с папой возвращался с рыбной ловли домой. Ещё издали они увидели дерево с аистиным гнездом. Старого аиста там не было, а птенцы высовывали из гнезда головы и беспокойно оглядывались по сторонам, очевидно просили есть.

— А ну-ка, попробуй покормить их рыбой, — предложил папа.

Коля мигом забрался на дерево к самому гнезду. Он снял со связки небольшую рыбёшку и протянул аистятam.

Аистята сначала испугались, растопырили крылья, попятились. Но вдруг один из них заметил у Коли в руках рыбу, пригляделся, да как схватит её клювом, и проглотил. Коля ему тут же вторую скорее подал. Аистёнок и её съел. Уж он от Коли больше не пятился, а, наоборот, лез прямо к нему, норовя сам из связки рыбу выдернуть. И другой аистёнок, глядя на него, расхрабрился, тоже рыбу из рук хватает. В один миг всю поели.

С тех пор Коля стал каждый день помогать аисту кормить его птенцов.

Скоро аистята выросли и начали вместе с другими аистами летать на болото. Но Колю они попрежнему хорошо знали. Бывало ходят по болоту — червяков, лягушек, жуков ловят. А увидят — Коля с реки возвращается, прямо к нему бегут, крыльями машут, просят, чтобы он их покормил.

До самой осени Коля их рыбкой подкармливал, а как наступили холода, тут его аистята вместе с другими аистами улетели в жаркие страны.

ДЛИННОХВОСТЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Как-то раз шли мы с сыном по лесу. Это было в самом начале весны.

В тени под деревьями всюду ещё лежал снег, но зато на открытых местах уже темнели первые проталины. День был яркий, солнечный — настоящий весенний денёк. Древесные почки начали надуваться, и от этого ветви кустов и деревьев казались не такими голыми, как зимой, а будто чуть-чуть мохнатыми. Кругом в вершинах деревьев на разные голоса распевали овсянки, синицы, и где-то вдали будто отбивал барабанную дробь лесной барабанщик — дятел.

Мы шли по тропинке, прислушиваясь к голосам весеннего леса. Вдруг слышим — впереди нас застрекотали сороки, да тревожно так, будто они что-то заприметили.

Вышли мы из-за кустов на лужайку. Смотрим, и понять ничего не можем, что там происходит. По лужку взад-вперёд мечется заяц, а около него — две сороки, то взлетят, то на землю сядут. Заяц на них так и насккивает. Только какая-нибудь близко подлетит, он прыг — прямо к ней, норовит передними лапами ударить.

Отлетит сорока, а вторая уже сзади подлетает. Обернётся заяц и на ту бросится.

Глядим мы, и никак не разберём —

кто же на кого нападает: то ли сороки на зайца, то ли заяц на сорок.

Стали подходить ближе. Заметил нас заяц и поскакал в лес. Сороки тоже прочь полетели. Летят, а сами стрекочут: видно, очень не хочется им улетать.

Подошли мы к тому месту, где сороки с зайцем дрались. Вдруг видим, прямо под ногами лежит в ямке маленький серый комочек.

Да ведь это зайчонок! Совсем крошечный, только недавно родился.

Тут мы и поняли, почему заяц на сорок нападал. Это зайчиха своего детёныша так храбро защищала. Значит, и неверно говорят, что заяц — трусишка.

Взял я осторожно зайчонка. А он сидит у меня на руке, ушки к спине приложил, сам весь в комочек сжался и не шевелится.

Отнесли мы зайчонка в ближайšie кусты, куда сама зайчиха только что ускакала, и посадили под самый кустик.

Мать его там непременно найдёт. Звери постоянно своим же следом назад возвращаются. Побежит зайчиха обратно к зайчонку и наткнётся на него. А сорокам зайчонка в кустах ни за что не найти.

Вышли мы обратно на лужайку. Глядим, а сороки уж опять на том же месте вертятся, где зайчонок был. Прыгают, к земле приглядываются, зайчонка ищут. Вот ведь какие, настоящие разбойники, да и только.

Вахтанг АНАНЯН

ТРЕВОГА

Передо мной каменистый морщинистый кряж горы. Целое нагромождение красных утёсов. Взираясь один на другой, они, кажется, стремятся добраться до самого неба.

На зубчатых гребнях скалы сидят орлы. Они мрачно смотрят вниз. Они не выражают недовольства моим присутствием и не проявляют беспокойства. Наоборот, они, пожалуй, даже рады — ушедшие от меня подранки становятся их добычей...

Я упорно ползу вверх, на кручи. Там — убежище каменистых баранов, мне надо добраться до них.

Бараны, должно быть, увидели меня давно, и ни одно из моих передвижений не осталось незамеченным ими.

Я знаю, что как только я окажусь в непосредственной близости от их гнезда, эти осторожные животные бесшумно выйдут из расщелин скалы и переберутся на другую её сторону. Вот этот-то момент перехода и не может быть упущен мною. Тут-то я и должен испытать свою сноровку и свойства своего ружья.

Так бывало всегда, и всегда из этого «соревнования» с баранами выходил победителем я. Но на этот раз произошло нечто удивительное.

Я был ещё довольно далеко от гребней горы, когда там вдруг зазвучали «трубы тревоги».

Фурр... Фурр... — раздались в расщелинах скалы фыркающие звуки.

«Чего это они так рано бьют тревогу и обнаруживают свои убежища? — подумал я. — Ведь я ещё далеко от них».

Ответ на этот вопрос я получил в следующую же минуту, когда по знаку своего вожака из пещер высыпало целое стадо баранов и они, вместо того чтобы уходить наверх, ринулись вниз — прямо на меня.

Добежав до нижнего края высоких гребней, бараны бросились в узкую расщелину среди утёсов и мгновенно исчезли из поля моего зрения. Я был ещё далеко от них, и стрелять не имело смысла.

Когда, добравшись до гребней, где ютились бараны, я исследовал местность, то увидел, что пути для отступления вверх у них не было. Узкая щель, через которую ушли бараны, была единственным выходом из их скалистой крепости — её воротами...

Вот почему и был необходим показавшийся мне преждевременным сигнал. Животным надо было выбежать из ворот укрепления, пока охотник был ещё далеко. Будь сигнал подан поздно, бараны, выбежавшие из своей крепости, пали бы жертвой пули, а ещё минутой позже — я и совсем отрезал бы им выход...

Вот какие расчёты умеют делать дикие бараны, которых многие считают глупыми.

БАСНИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

Лев Николаевич Толстой написал много рассказов и басен для детей. Над книгами для детей он работал усердно и тщательно.

«Надо, чтобы всё было красиво, коротко, просто и, главное, ясно», — писал он.

В каждой басне есть глубокий смысл. В них порицаются разные людские пороки и слабости: ложь, лицемерие, хвастовство, лесть. Напротив, поощряются правдивость, скромность, трудолюбие. Но ни в одной басне смысл не раскрыт самим автором; он хотел, чтобы дети сами додумались, какой смысл имеет каждая басня.

Здесь напечатано пять басен великого писателя. Рисунки к ним сделал художник Евгений Михайлович Рачёв. Подумай, о чём рассказывает каждая басня, и напиши нам в редакцию.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Лисица увидала—висят спелые кисти винограда, и стала прилаживаться, как бы их съесть.

Она долго билась, но не могла достать; чтоб досаду заглушить, она говорит: «Зелены ещё».

ВОРОН И ЛИСИЦА

Ворон добыл кусок мяса и сел на дерево. Захотелось лисице мяса. Она подошла и говорит:

— Эх, ворон, как посмотрю на тебя — по твоему росту да красоте только бы тебе царём быть! И верно был бы царём, если бы у тебя голос был.

Ворон разинул рот и заорал что было мочи. Мясо упало. Лисица подхватила и говорит:

— Ах, ворон! Коли бы ещё у тебя и ум был, быть бы тебе царём.

КОТ И МЫШИ

Завелось в одном доме много мышей. Кот забрался в этот дом и стал ловить мышей. Увидали мыши, что дело плохо, и говорят: «давайте, мыши, не будем больше сходить с потолка, а сюда к нам коту не добраться!» Как перестали мыши сходить вниз, кот и задумал, как бы их перехитрить. Уцепился он одной лапкой за потолок, свесился и притворился мёртвым. Одна мышь взглянула на него, да и говорит: «Нет, брат! хоть мешком сделайся, и то не подойду».

ЛИСИЦА

Попалась лисица в капкан, оторвала хвост и ушла. И стала она придумывать, как бы ей свой стыд прикрыть. Созвала она лисиц и стала их уговаривать, чтобы отрубили хвосты. «Хвост, — говорит, — совсем некстати, только напрасно лишнюю тягость за собой таскаем». Одна лисица и говорит: «ох, не говорила бы ты этого, кабы не была куцая».

Куцая лисица смолчала и ушла.

ОСЕЛ В ЛЬВИНОЙ ШКУРЕ

Осёл надел львиную шкуру, и все думали — лев. Побежал народ и скотина. Подул ветер, шкура распахнулась, и стало видно осла. Сбежался народ; исколотили осла.

ЗАЯЦ И ЛЯГУШКА

Стал заяц думать о том, что его никто не боится, запечалился, да и говорит:
— Ой, побегу топиться!
Бежит день, бежит ночь — не озирает-

ся. Видит — болото. А там лягушка сидела, увидела зайца и — хлюп! — в воду. Обрадовался заяц:
— А ведь и меня кое-кто боится!

КУЛИК

Как зацветёт гречка, кулик летит и кричит:

— По-о-гиб! По-о-гиб!

Поле белеет, а он думает, что снег выпал.

БЫСТРАЯ РАБОТА

Ходил рак семь лет по воду, а пришёл домой, стал через порог перелезать, разлил воду, да и говорит:

— Спешись когда — всегда беда!

ГРЕЧКА, ОВЁС И ПШЕНИЦА

У гречки-гречушки
Чёрные верхушки;
У красавца овса
Золотые волоса;
У красавицы пшеницы
Золотые косицы!

Перевёл с украинского Г. АБРАМОВ

ПАРАШЮТИСТ

Парашют у нас готов,
Сшит из разных лоскутов.

Толстый плюшевый медведь
Собирается лететь.

Вот, продев шнурок под лапы,
Мишка прыгает со шкапа.

Трудно Мише приземляться,
Он на лапы очень слаб.

Нужно Мише заниматься
Упражнением для лап.

А. КАРДАШОВА

Рис. В. СЫТЕЕВА

Рис. Е. ВАЛЯНСКОЙ

СТРОИТЕЛИ

Папу знает весь район,
Мастер он отличный.
Со своей бригадой он
Строит дом кирпичный.

Дом среди других домов
И стройней и выше.
Говорят, до облаков
Дом достанет крышей.

Мы с сестрёнкою вдвоём
На лугу зелёном
Двухэтажный строим дом
С окнами, с балконом.

Папа к нам вчера пришёл,
Осмотрел, как надо,
И сказал он: «Хорошо,
Славная бригада!»

Г. ЛЮШНИН

Обложка А. ЕРМОЛАЕВА

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ
Художественный редактор Н. Попов. Рукописи не возвращаются. Техн. редактор З. Тышневич

Год издания двадцать седьмой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Суцёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06

Подписано к печати 7/IV 1950 г. А03354.

2,8 уч.-изд. л. 33 000 зн. в печ. л.

Бумага 60×92¹/₂ = 1,5 бумажных — 3 печатных листа.

Тираж 124 500 экз.

Заказ 469

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Суцёвская, 21.

4 4 5 7

